

Светлана
ВЬЮГИНА

г. Москва

В тринадцать лет все девчонки нашего 6-а повлюблялись в одноклассников. Просто эпидемия какая-то была! Мне тоже нравился один мальчишка, Юра Никитин, но он учился в 7-а и о моих чувствах не догадывался. Мы иногда стояли с ним в очереди за пирожками в буфете и болтали о разном. Один раз Никитин подал мне мяч, когда я играла в волейбол, и сказал с улыбкой, что, мол, роста маленького, а удар мощный. Я поразмышляла и решила, что это не просто тонкий комплимент, а нечто большее. Мне нравилось вечерами, перед сном, мысленно перебирать все Юркины знаки внимания. И казалось, что это так упоительно — любить.

Ну так вот. Как-то на перемене ко мне с самым торжественным видом подошёл наискромнейший мальчик из нашего класса Вова Евграфов и, понизив голос, поинтересовался:

— Надь, а Надь! А ты выбрала себе жертву?

— Кровь чтобы пить, как вурдалак? — глупо захихикала я. Глупо, потому что поняла, о чём Евграфов спрашивает.

— Нет, ну не жертву. Мальчика, чтобы дружить...

Это было неожиданно и честно. И я решила продолжить диалог.

— Летом подумаю, сейчас неохота.

Я не стала рассказывать о Юрке Никитине. Это была моя тайна...

— Ну так как? — настойчиво переспросил Евграфов.

— Что мне надо делать? — я тоже понизила голос. Разговор принимал серьёзный оборот.

— Влюбиться можно только в одноклассника!..

«Вот как?!» — удручённо подумала я

— ...Любить можно только одного!..

«Ну, это куда ни шло», — мелькнуло в моём смятенном сердце.

— ...Если девочка бросает любимого, она должна купить большую плитку шоколада и отдать ее брошенному...

«Это по-взрослому», — сказала бы сегодня смышленная девушка. А я просто протянула ладошку Евграфову, и мы торжественно пожали друг другу руки, а наш товарищ Юрка Курицкий разбил — пари было заключено.

По условиям пари я должна была проверять все Володькины диктанты, сочинения, конт-

рольные, потому что училась прилично. Также отныне я поступала под защиту Евграфова. Ещё он предложил носить мой портфель, но я категорически отказалась — тогда жила рядом со школой.

Месяц проверяла все тетрадки Володи. Потом мне надоела его безграмотность, и я стала заниматься с ним русским после уроков. Носила ему книги из домашней библиотеки и исто-во верила, что Евграфов вырвется в хорошисты. Учителя переглядывались. А я думала про себя злорадно: «Любовь и не то ещё может».

Но в какой-то из дней решила: хватит, эксплуатацию долой. К тому же Володька Евграфов выправил почти все отметки. Ему не надо было меня защищать, потому что на меня никто и не нападал. И потом я росла с братьями и сама могла за себя постоять, а в кино ходила с лучшей подругой Любой Рыжей. К тому же учиться я стала хуже: видно, меня отвлекала роль «мамочки». А ещё у меня была тайна — Никитин. Так что я ждала подходящего случая, чтобы серьёзно поговорить с Евграфовым! Но жизнь сама всё расставила по своим местам.

Нас с Евграфовым послали за скелетом. Милый такой скелет, сделанный из отполированных деревяшек и пластмассы, пылился в кабинете анатомии. Мы подхватили этого двухметрового забавного скелетика и потащили в класс. Мне досталась та часть, где голова, а Володьке — ноги. Тащили ношу по длинному коридору, нескладные деревянные руки скелета свешивались на резиночках до пола, и мы совсем умаялись, пока ввалились в классную комнату. На первой парте сидели Юрка Курицкий и Саша Бадзер, они, вальяжно развалившись, играли в крестики-нолики.

— А помогли бы товарищам, — прошипели мы, удручённые тяжестью скелета.

— Тили-тили-тесто, жених и... — сладким голосом запел Курицкий.

Далее произошло то, чему объяснения до сих пор не нахожу. Я подняла скелетную руку и изо всех своих сил ударила ею Курицкого по щеке. Это была с моей стороны провокация — нечаянная, конечно. Но возмездие меня настигло мгновенно. Курицкий вцепился в руку скелету и оторвал её. Этого ему показалось мало! Подбежав к открытому окну, он выбросил

её в окно. Спикировав с третьего этажа, оторванная муляжная рука мягко приземлилась в сугроб.

Что тут началось! Мальчишки начали драться, а мы с Любой Рыжей побежали на улицу искать руку. Мы рылись в сугробе и проклинали и мою обидчивость, и нахальство, и вспыльчивость Юрки Курицкого. Наконец вернулись в класс с оторванной рукой и стали «спасать» Евграфова. При этом Любе разорвали её чудесный кружевной воротничок, а мне расцарапали щеку. Куча мала, прямо скажем, не девичье дело. Евграфову тоже досталось, как и мальчишкам, все потирали синяки. Но никто не канючил и не жаловался. Это была честная схватка. Единственной жертвой её стал скелет!

Мы несколько секунд скорбно постояли над рассыпанными деревяшками — остатками учебного пособия. Заканчивалась перемена. Надо было что-то решать. Побежали к добрейшей тёте Люсе, завхозу, выпросили у неё мешок, куда и сложили собранные части. С уроков пришлось отпроситься.

Дома помогла мама. Она зашила моей лучшей подруге воротничок, мне смазала зелёной щёку, Евграфову забинтовала руку. Больше всего возились со скелетом. К счастью, папа знал анатомию, так как был врачом, хотя и ветеринарным, и он сложил нам кости в правильной последовательности, а потом мама их как следует скрепила. Выяснив все волнительные обстоятельства дня и условия пари, папа, облегчённо вздохнув, сходил в магазин и купил нам троим (мне, Любе Рыжей и Евграфову) по большой шоколадке. А мама напоила нас чаем. Засыпала я счастливая и умиротворённая. Я наконец повзрослела после этой потасовки.

До окончания школы ни один мальчишка из нашего класса меня больше не пытался дразнить. Евграфов поступил в военное училище и стал настоящим Героем. С Любой Рыжей мы дружим по сей день. А следы Никитина затерялись в пространственно-временном космосе. Так и закончилась моя самая первая любовь. Вы скажете, странная? Так ведь она у каждого своя.

Славку Шиляева исключили из пионеров ясным апрельским днём. Он стоял у школьной доски и, опустив голову, шмыгал носом. Наша пионервожатая Анна Антоновна (она у нас ещё и историю преподавала, и заня-

тия в танцевальном кружке вела) подошла и сорвала со Славы галстук. Очень спокойно и буднично. Мы все, одноклассники-пятиклассники, замерли от неожиданности.

— В то время пока вы собирали металлолом, Шиляев праздновал Пасху и объедался куличами и крашеными яйцами... — говорила вожатая. — Какая дикость! В наше время...

Над головами у нас повисла жуткая тишина. Если уж честно, многие дома ели необыкновенные праздничные яйца, да и сами их красили с родителями. Правда, на сбор металлолома пришли всем классом, нас было много во дворе, и мы даже и не заметили, что Шиляева рядом нет. В тот день наш класс расчищал соседний пустырь от ржавого железного хлама. Потом пришла огромная грузовая машина и увезла металл в специальный приёмный пункт. Нас собрали на пионерскую линейку и объявили, что заработанные деньги пойдут на обустройство школьного двора. Все радостно кричали: «Ура! Ура!» — и хлопали в ладоши. Было так весело!

И вот Слава стоит растерянно у доски.

Кажется, совсем недавно, когда Юрий Гагарин полетел в космос и его назвали космическим пионером, Славка сам не свой бегал по коридору и кричал: «Гагарин тоже пионер! Он, как и мы, пионер!»

«Зачем же его исключать? Так уж сразу», — только и успела подумать я.

А Анна Антоновна, моя любимая учительница истории, у которой я четыре года танцевала в кружке балльных танцев, продолжала:

— Ты в церковь ходил на Пасху?

— Нет.

— А почему на сбор металлолома не пришёл?

— Мама не пустила...

И вдруг Анна Антоновна, жёстко, незнакомо усмехнувшись, спросила:

— А может, кто-то со мной не согласен? Может, кто-то хочет встать рядом с Шиляевым?

Вот уж чего не хотелось в тот момент, так это вставать рядом с Шиляевым. Но я всё-таки подняла руку.

— Что ты? — недовольно буркнула любимая учительница-пионервожатая.

— А зачем сразу галстук снимать? Он же не Родину предал. Просто маму послушался. Мо-

жет, он в Бога верит и не хочет в Пасху собирать металлолом...

Неуклюже вышло.

Славка заплакал. Анна Антоновна разозлилась и поволокла нас двоих к директору школы, добрейшему Дмитрию Пантелеевичу. Он отправил Анну Антоновну проводить урок. Шиляеву тоже велел идти в класс: мол, ты своё уже получил. А вот меня призадержал.

— Знаешь ли ты, голубушка, такое выражение: «Услужливый дурак опаснее врага»? — чуть усмехнувшись, спросил он.

— Знаю, знаю... — вздохнула я. Крылова мне частенько цитировала и мама.

— Ну, так и защищать надо умеючи, чтобы не усугубить положение товарища, — директор посчитал, что он сыграл роль сурового наставника и, легонько развернув меня за плечи, отправил учиться.

В классе, скосив глаза на Славку, увидела, что тот спокойно жуёт бутерброды с соседкой по парте Верой Ивановской. Я же сидела с Юркой Курицким. Он протянул мне яблоко и посоветовал:

— Спокойно, спокойно!

После уроков меня позвали на заседание совета пионерской дружины. (Были раньше такие советы в школах!) Со мной пошёл почти весь класс. Одноклассники маялись в коридоре, ожидая, чем дело закончится.

Наступил вечер, за окном стало совсем темно, когда я вышла из пионерской комнаты. Шиляев появился перед ребятами раньше, уже с галстуком, и сразу, как мне сказали, ушёл домой. Несколько самых терпеливых мальчишек и девчонок ожидали меня в коридоре. Славки среди них не было, впрочем, я никогда с ним и не дружила. А вот Володя Евграфов, опекавший меня уже несколько месяцев и проявляющий некоторые знаки особого внимания вроде дёргания за косички, бросил-ся ко мне наперерез:

— Я тебя провожу!!!

— Смешной ты, Володя! Я ведь живу рядом со школой, — отмахнулась я, принимая из его рук свой портфель.

...Но и сегодня, многие годы спустя, я благодарна Евграфову за то, что он меня дождался.

рассказ

Весна выдалась поздняя, всё стояло в мокром снегу, и мы, пробираясь к пункту назначения — к Братской могиле, вконец умаялись и промокли. Нашему классу, 6-а, поручили подготовить торжественную линейку, на которой школа будет чествовать фронтовиков. А те, в свою очередь, станут возлагать цветы к памятнику.

Мы решили всё осмотреть на месте, мы — это я, две Тани, Люба Рыжая и Евграфов Володя. По глубокому снегу побродили вокруг памятника, поставленного в честь земляков, погибших в Великой Отечественной войне, и разошлись по домам до утра. Вечером я у папы (а он у меня тоже был фронтовик) спросила, с чего нам всё же начать.

— Ну, можно снег почистить, чтобы люди, которые придут с цветами, могли подойти к могиле, — посоветовал папа.

Наутро его совет я озвучила ребятам, но поддержку у друзей не получила:

— Скучно это, пусть мальчишки снег чистят, — и обе Татьяны, развернувшись, ушли домой.

А мы с Любой Рыжей и Володькой Евграфовым постояли-постояли и надумали сходить за вербой. Ведь вербу можно было поставить в керамические вазоны, стоявшие вдоль братского захоронения! Но в последний момент всё-таки Евграфова оставили расчищать снег. Володька уже полгода ходил в секцию тяжёлой атлетики, поднимал штангу легко. Кому как не ему здоровенной лопатой махать?! И мы с Любой Рыжей, легко слолив его робкие возражения (мол, надо вас, девчонки, проводить!), помчались на плотину.

Надо сказать, что в Красногорске (а дело происходило именно там) плотина — место известное. Маленькое водохранилище, в которое сначала втекает, а потом вытекает (и течёт неизвестно как далеко!) крохотная речка Банька, было окаймлено лесной полосой. Заветное место отдыха горожан! Купание — летом, зимой — лыжи. Рыбаки — на берегу, а зимой — и на льду. Всё тут мною с братьями было исхожено, исследовано. С подругой и с Евграфовым (куда же без него!) мы здесь сто раз катались на лыжах. Поэтому без всякого страха я с Любой Рыжей стала пересекать замёрзшую гладь водохранилища, чтобы сэкономить время и спрямить путь. В узком месте было мелко, и в любом даже форс-мажорном случае утонуть здесь было просто невозможно. Солнце лишь сильно оплывало лёд — было скользко. Но лёд стоял надёжный, толстый.

Навстречу шли рыбаки с садками, в которых виднелась уже заиндевевшая рыба. Люди хором стали уговаривать нас вернуться, ведь скоро будет смеркаться. Они даже хотели поделиться с нами рыбой. Но нам было не до рыбы и рыбаков и не до чужих советов. Надо засветло успеть взобраться на крутой склон, с которого ещё неделю назад мы слетали на лыжах, наломать вербы — и бегом к Евграфову, к памятнику, к Братской могиле. Утром ведь линейка — надо спешить!

Мы, разгорячённые тем, что убежали от Евграфова и так всё чудесно придумали, продолжили свой горделивый поход. И правда! Всё получилось замечательно. Верба уже вошла в «пушистость», огромные букеты нарядно встанут в вазоны!

Началась метель, но мы вошли в раж — ломали и ломали ветки. И только когда стало смеркаться, опомнились. Подхватив огромные охапки, зашпешили со склона назад — к памятнику, к Евграфову. Ещё не хватало, чтобы Евграфов ушёл и мы остались одни у могилы в темноте! За полчаса, что мы провели, ломая вербу, нападало столько снега!.. Шли по щиколотку в снегу и почти не видели тропинку. Зыбко светился берег, но до него оставалось совсем немного — ну, метров десять, не больше. Тогда Люба Рыжая вдруг оступилась и провалилась в воду. Наверное, в сумерках мы сошли с дорожки и попали в рассверленную рыбаками полынью. Как бы там ни было, Рыжая стояла почти по грудь в ледяной воде и строго мне выговаривала: мол, давай спасай.

Я читала, как спасают попавших под лёд, и, бросив вербу на снег, поползла к Любе. Думаю, зрелище было уморительное. Жалко, зрителей не было — они бы уж точно нам помогли. Но на всей плотине мы были одни, и нам было не до смеха.

Люба тем временем пыталась выбраться самостоятельно, но лёд под её руками крошился, и подтянуться она тоже не могла. Зимняя одежда на ней моментально намокла и стала очень тяжёлой. Я лежала на животе, ухватившись за Любин капюшон, и истошно кричала: «Евграфов! Евграфов!!!» Любу уже начало трясти от холода, я же его не чувствовала — только страх, что мы одни на этой плотине в сгущающейся темноте. Подруга велела мне отцепиться от капюшона и идти за помощью, но я не могла разжать руки — боялась оставить её одну в воде. Сколько это продолжалось? Наверное, несколько минут, а показалось — вечность. И когда над нами навис «надоедливый» Евграфов, стало уже совсем темно. В четыре руки мы вытащили Любу, правда, Евграфову для этого пришлось залезть к ней в полынью. Иначе никак не получалось вытянуть из воды заиндевший рыжеволосый кокон. Как я выглядела, когда мы бежали к моему дому, — это и так понятно, я не буду рассказывать. Помню только, что Евграфов замыкал нашу цепочку и его почти не было видно за охапкой вербы, которую он всё-таки подхватил с заснеженной дорожки.

Мама была дома. Вместо ответа на мой сбивчивый рассказ о том, что случилось, она только покрутила пальцем у виска. Это была высочайшая степень неодобрения, которую она могла позволить при детях, ведь мамочка у меня была учителем, к тому же в своё время хорошо воспитанной барышней. Но, видно, и её терпению пришёл конец. Не глядя в мою сторону, она засунула Рыжую в ванную, Евграфова переодела в сухое и заставила обуть валенки. Я сказала, мол, здорово, что Володька Евграфов в секцию стал ходить — иначе он бы ни за что Любу из полыньи не вытащил. А мама так на меня посмотрела, что я сразу поняла, как важно иногда промолчать.

Когда вернулся с работы папа, мы все уже немного успокоились. Невзирая на возражения мамы, он налил нам по рюмочке кагора. Сосед, дядя Слава, развёз на машине моих друзей по домам. Он же поутру доставил меня вместе с вербой на линейку. Люба Рыжая и Володька Евграфов уже были там и выглядели вполне здоровыми и весёлыми.

Мы были так молоды и от пустяков не болели! Надо ли говорить о том, что линейка прошла блестяще?!

...Шли годы. Волею судеб я стала трудиться в трамвайном депо диспетчером. Работа с людь-

ми требовала и выдержки, и чувства юмора. Я не в полной мере обладала этими качествами. Но полюбила свою немудрёную работу — она давала мне ощущение нужности, востребованности, что ли... Как-то пришел скандальный посетитель (увы, издержки есть в любой профессии!) и стал требовать с меня шашки, забытые полгода назад в трамвае. А я как раз сидела за шахматной доской и пыталась, воспользовавшись обеденным перерывом, научиться играть. Мужчина разозлился: мол, вот и в мои шашки кто-то уже играет. Я терпеливо стала объяснять, где у нас стол находится. Вдруг над нами навис другой широкоплечий посетитель и строгим голосом возвестил:

— А я гантели забыл в трамвае. Отдайте гантели!

У «шашечного» посетителя пропал интерес и к шашкам, и ко мне — он моментально ретировался, наверное, побежал в стол находок...

Я с удивлением посмотрела на неожиданного спасителя и почему-то тоже строго спросила:

— А ваша фамилия не Евграфов?

— Евграфов, — спокойно ответил незнакомец, совсем не удивившись моей шутке.

Хотите — верьте, хотите — нет, но я сразу ему поверила.

Светлана Васильевна ВЬЮГИНА (ДУДЧЕНКО) —

детский писатель.

Автор книг «Конопастик», «Солнечные краски»,

«Облака-забияки», «Черёмуховое крылечко».

Печаталась в журналах «Балтика», «Десна», «Север»,

«Дон», «Весёлые картинки», «Мурзилка»,

«Подсолнушек», «Юный натуралист» и других.

Член Союза писателей России.

